

К ПРОБЛЕМЕ ИНГУШСКОЙ АВТОНОМИИ

События, имевшие место в Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. и получившие дальнейшее развитие в 1990 г., со всей очевидностью обозначили, что этот район Северного Кавказа является еще одним очагом острой межнациональной напряженности в стране. Ингушская общественность все более настойчиво требует восстановления ингушской автономии путем выделения Ингушетии из состава Чечено-Ингушской АССР и передачи ей части территории Пригородного района Северо-Осетинской АССР, ранее входившей в состав Ингушской автономной области.

Данная проблема неоднократно поднималась и в предшествующие десятилетия. Так, в январе 1973 г. вопросы о судьбе Ингушетии и бывших ингушских сел на территории Северо-Осетинской АССР ставились ингушской общественностью на митингах, прошедших в Грозном. Тогда наиболее активные их участники были обвинены в национализме и к ним были применены различного рода санкции. В известной мере нерешенность вопроса о дальнейшей судьбе ингушского населения на территории СО АССР обусловила события в октябре 1981 г. в Орджоникидзе, в результате которых в город были введены войска. Чтобы был понятен предмет столь долго и остро обсуждаемых вопросов, предложу краткую историческую справку.

Чечено-Ингушетия первоначально как автономная область была образована в 1934 г. путем объединения Чеченской и Ингушской автономных областей, а в 1936 г. преобразована в АССР. До этого времени Чечня и Ингушетия имели самостоятельные, хотя и тесно связанные пути исторического развития. Ингуши (гIалгIай) и чеченцы (нохчо) располагали собственными этническими территориями, имели самостоятельные политические образования, разные направления и формы контактов с соседними народами¹. В итоге данные факторы, при сохранении языковой и культурной близости вайнахов (т. е. чеченцев и ингушей), определили своеобразие культур этих двух народов.

На протяжении обозримого исторического прошлого особо актуальным для народов Кавказа был вопрос о владении землями в предгорьях и на равнине. Границы расселения горцев в средневековый период в зависимости от политической ситуации в регионе неоднократно менялись. Важным этапом в стабилизации этнических границ в равнинной и предгорной зонах Центрального Кавказа был XVIII — первая половина XIX в. Ингуши в этот период утвердились на землях по правому берегу Терека — в Тарской долине и на соседних территориях. В XVIII в., выйдя из зависимости от кабардинских князей и тогда же окончательно сменив здесь кабардинское население², ингуши, приняв обязательства по охране Военно-Грузинской дороги в районе Дарьяльского ущелья, в 1810 г. официально закрепили за собой право «землями и лесами пользоваться... безвозбранно по правую сторону течения р. Терека»³. В этот же период с участием российской администрации была определена граница между территориями расселения ингушей и осетин, в основном по Тереку. Ингушские селения в Тарской долине просуществовали до начала 1860-х годов, когда их жители после окончания Кавказской войны были переселены, а на их месте основаны казачьи станицы. Расположение последних в этом и соседних предгорных районах не только разделило Ингушетию на две части — горную и равнинную (Назрановский участок), но и чрезвычайно обострило земельный голод среди ингушей. Эти обстоятельства обусловили конфликтность взаимоотношений ингушей с казачеством на протяжении второй половины XIX — начала XX в., непримиримость позиций и остроту борьбы между горцами и казачеством во время гражданской войны. Указом Горской республики в 1920-е годы

земли в равнинных районах по правому берегу Терека были возвращены ингушам, а русское (казацье) население переселено в разные районы Северного Кавказа.

В 1921—1924 гг., в период существования Горской АССР, Ингушский (Назрановский) округ наряду с Осетинским, Чеченским и другими входил в ее состав. Однако Горская АССР как многонациональное государственное образование оказалась маложизнеспособной, и большая часть составлявших ее округов вскоре вышла из нее, сформировав самостоятельные автономные области. Дольше других в составе Горской АССР находились Осетинский, Ингушский и Сунженский (где в основном проживало казацье население) округа, причем административным центром первых двух, как и республики в целом, являлся город Владикавказ (позднее Орджоникидзе). Имевший статус автономного города, Владикавказ был основан в 1784 г. на берегах Терека как русская крепость на границе расселения осетин и ингушей⁴. В период существования Осетинского и Ингушского округов в составе Горской АССР и позднее, когда они уже стали самостоятельными автономными областями, государственные и партийные организации этих национально-территориальных автономий располагались соответственно в лево- и правобережной частях города. Ингушской АО во Владикавказе принадлежало 11 мелких промышленных предприятий. По данным переписи 1926 г., при общем числе жителей города, превышавшем 75 тыс. чел., ингушей было 1,5 тыс., осетин же около 11 тыс.⁵. Правобережная часть Владикавказа оставалась центром Ингушской АО до 1934 г., когда была образована Чечено-Ингушская АО с единым центром в Грозном. Территория Ингушской АО, а позднее Чечено-Ингушской АО включала в себя практически все районы проживания ингушей, в том числе земли на правой стороне Терека возле Владикавказа, ныне составляющие часть Пригородного района северо-Осетинской АССР.

Трагические последствия депортации ингушей, так же как чеченцев, карачаевцев, балкарцев и ряда других народов, в 1943—1944 гг. в Казахстан и Среднюю Азию выразились не только в тысячах погибших, колоссальных материальных и моральных потерях, в них была заложена основа обострения межнациональных отношений, в частности из-за территориальных разногласий. Хотя Указом Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. ЧИАССР была восстановлена, территории по правому берегу Терека, являющиеся частью современного Пригородного района СОАССР в ее состав не вошли. До настоящего времени здесь живут переселенные после 1944 г. осетины, главным образом, выходяцы из Южной Осетии. После репатриации часть ингушей вернулась в селения Пригородного района и в Орджоникидзе, но общее число желающих поселиться на этих землях значительно больше⁶. До настоящего времени проблема не решена.

Весьма критически оценивается ингушской общественностью и опыт существования ингушского и чеченского народов в рамках одного национально-государственного образования. В настоящее время ни Чечня; ни Ингушетия не имеют самостоятельных государственных и общественных структурных образований. Хотя в республике функционируют два национальных театра (ингушский театр был образован недавно), издается литература на чеченском и ингушском языках, однако проблемы национальных языков и культур стоят очень остро, так как до недавнего времени в школах республики не велось даже преподавания на чеченском и ингушском языках. На территории Чечено-Ингушетии в 1989 г. проживало более 734 тыс. чеченцев и около 164 тыс. ингушей, что соответственно составляло 57 и 13% от общего числа населения. Нельзя не отметить, что в социально-экономическом отношении Чечня — более развитый регион; здесь сосредоточены основные предприятия ведущих отраслей промышленности ЧИАССР (нефте- и газодобывающих, нефте- и газоперерабатывающей, машиностроительной), расположен административный, культурный и промышленный центр республики — г. Грозный, что определяет различия в социальной инфраструктуре Чечни и Ингушетии, определенным образом влияет

на возможности развития национальных культур. В общественном сознании ингушского населения утвердилось мнение, что в современных условиях возможности для полноценного развития языка и культуры народа весьма ограничены, что если не изменить создавшегося положения, то ингушский народ не только утратит национальную культуру, но его может постигнуть печальная участь исчезновения как самостоятельного этноса. При этом часто ссылаются на значительное численное преобладание чеченцев над ингушами, а также родство языков этих двух народов и сходство их культурных традиций, что объективно может способствовать утрате этнодифференцирующих признаков.

В подтверждение обоснованности подобных опасений со стороны ингушской общественности стоит отметить, что на рубеже 1920—1930-х годов, в период подготовки объединения Чечни и Ингушетии в единую автономную область, центральными и местными политико-административными органами однозначно ставился вопрос о слиянии в ближайшей перспективе этих двух народов⁷. Акт образования Чечено-Ингушской АО, совершенный не по волеизъявлению народов, а в осуществление политики декларируемой межэтнической интеграции и унификации национальных проблем и национально-государственных структур, осуществлявшейся в рамках всей страны (примеры этому хорошо известны на Кавказе, в Средней Азии и других регионах), не привел, однако, к интегрированности национальных институтов и культур. Практика совместного существования чеченцев и ингушей в рамках одного национально-государственного образования свидетельствует об обратном: об устойчивости и даже возрастании фактора этнического самосознания (как это отчетливо видно на примере последних событий), устойчивости других этнодифференцирующих признаков, частичной поляризации национальных интересов в политическом аспекте. Сложность и нерешенность означенных проблем обуславливают остроту их постановки ингушской общественностью на протяжении последних десятилетий. В полной мере это нашло выражение в решениях проводившегося 9—10 сентября 1989 г. II съезда ингушского народа⁸.

Съезд проходил в самом большом зале Грозного — во Дворце культуры им. В. И. Ленина. Для участия в его работе от сельских Советов Ингушетии, ингушского населения городов Назрань, Малгобек, Грозный, Орджоникидзе, а также ингушей — жителей Пригородного района Северо-Осетинской АССР и ингушей, живущих в Средней Азии и Казахстане, на сходах была избрана 1 тыс. делегатов. На съезде присутствовали 978 делегатов, а также большое число гостей, представлявших государственные и партийные органы ЧИАССР; для участия в работе съезда были приглашены представители общественных организаций различных регионов страны, народные депутаты СССР, представители духовенства, некоторых научных учреждений.

Основной доклад, с которым выступил Б. Костоев, член Оргкомитета съезда, был представлен как «Обсуждение Платформы ЦК КПСС по национальной политике применительно к положению в Ингушетии». Главное внимание в докладе было уделено современным проблемам ингушского народа, историческому и социально-политическому обоснованию предложения о восстановлении ингушской автономии. В нем говорилось, что опыт сосуществования Чечни и Ингушетии в рамках одной республики имеет негативные последствия для судьбы ингушского народа. Ингушская интеллигенция, насчитывающая около 20 тыс. чел., оторвана от народа, так как в основном проживает в Грозном, расположенном вне территории Ингушетии. Ингушский народ в нынешнем своем качестве находится как бы в гостях у родственного ему народа — чеченцев. Единственный выход из создавшегося положения видится в формировании собственного национально-государственного образования. Только в этом случае народ обретает реальную возможность полноценного и всестороннего развития. Предполагается, что Ингушская АССР будет состоять из шести административных районов: Назрановского, Малгобекского, Галашкинского, Карабулакского, Сунженского и Базоркинского (часть территории Пригородного района СОАССР). Центром автономной республики, по мнению докладчи-

ка, должна стать, как было и прежде, правобережная часть Владикавказа. По приблизительным подсчетам, население республики составит около 400 тыс. чел., но число жителей может оказаться и большим, так как после образования автономной республики вероятно миграция на ее территорию ингушей из Средней Азии. В докладе содержались некоторые неточные и некомпетентные высказывания в части, посвященной историческому обоснованию прав ингушей на территории по правому берегу Терека, такие, например, как указание на принадлежность этих земель ингушам на протяжении уже 5 тыс. лет, утверждение, что осетины, как потомки скифов и алан, не являются коренным населением Кавказа, неудачные ссылки на античных авторов и некоторые другие.

Доклад вызвал однозначную реакцию у делегатов съезда. Предложение о необходимости образования Ингушской АССР было поддержано и в той или иной форме развивалось всеми выступавшими. В качестве обоснования возможности устройства столицы будущей республики во Владикавказе, т. е. совмещения в одном городе столиц двух автономных национально-государственных образований, прозвучали ссылки на опыт Берлина⁹; указывалось, что подобный опыт может стать актуальным в связи с вопросами о новых национальных автономиях в других регионах страны; кроме того, отмечалась нецелесообразность организации новых столиц, предполагающая трату больших средств на возведение административных зданий и т. д. Вопрос об организации столицы в каком-либо другом городе на территории будущей республики, например в Назрани, на съезде не ставился.

Отмечу, что в целом на съезде преобладал эмоциональный настрой, однако, несмотря на сложность осетино-ингушских отношений в настоящий период, съезд в целом избежал обвинений в адрес соседнего народа, хотя в выступлениях некоторых делегатов и гостей съезда в той или иной форме подобные высказывания звучали. Эмоциональная атмосфера отодвинула на второй план обсуждение вопросов социального и экономического обоснования модели предлагаемой республики. Как бы в оправдание этому звучали слова о том, что необходимо сначала политическое решение вопроса об автономии и лишь тогда будет возможна и необходима разработка подобной модели. Конкретные предложения содержались в немногих выступлениях, и в том числе в выступлении народного депутата СССР от Ингушетии, делегата данного съезда Х. А. Фаргиева (на I Съезде народных депутатов СССР Х. А. Фаргиев поставил вопрос о необходимости образования Ингушской АССР). Он, в частности, отметил, что экономический потенциал Ингушетии возрастет, если республике будут возвращены промышленные предприятия правобережной части Владикавказа, находившиеся в свое время в распоряжении Ингушского округа; выплачена в какой-либо форме компенсация за последствия депортации; возвращены земли Пригородного района и переданы расположенные на них промышленные предприятия. Х. А. Фаргиев также заметил, что изучение материалов и документов, связанных с объединением Чечни и Ингушетии в одну автономную область в 1934 г., показало, что при совершении данного акта не учитывалась воля народа и потому образование Чечено-Ингушской АО явилось противоправным действием. Лица, приглашенные на съезд, в своих выступлениях поддерживали требование ингушского народа об образовании собственной автономной республики. Характерны высказывания представителей Чечни о том, что каждый народ должен жить своим домом, а в настоящей ситуации ингуши «живут в гостях». В завершение своей работы съезд принял обращения к ЦК КПСС и Верховному Совету СССР с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении ингушской автономии в форме республики и в границах, существовавших до 1934 г.

Второй съезд ингушского народа вызвал огромный интерес и подъем социальной активности населения. Ингушская общественность рассчитывала, что принятые на нем обращения будут рассмотрены на Пленуме ЦК КПСС по национальной политике, на II Съезде народных депутатов СССР и по ним

могут быть приняты соответствующие решения. Однако этого не произошло, и социальная напряженность в Ингушетии не спала. 23 февраля 1990 г. — в День памяти жертв сталинских репрессий (именно в этот день в 1944 г. началась акция насильственного переселения чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию) — на центральной площади Грозного состоялся многотысячный зикр (моление), на котором звучало и требование восстановления ингушской автономии. Наибольшую остроту приобрели массовые митинги ингушского населения, проходившие в течение нескольких дней марта 1990 г. в Назрани. В настоящее время среди ингушского народа наблюдается полное единство в стремлении восстановить утраченные права своей родины, придать новый импульс ее развитию.

Примечания

¹ Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 165—184.

² Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974. С. 158—162.

³ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 899—901.

⁴ Как отмечает Н. Г. Волкова, крепость Владикавказ была основана возле с. Заурово, в котором наряду с ингушами жили и осетины. См. Волкова Н. Г. Указ. раб. С. 161.

⁵ Тусиков М. Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ. 1926. С. 126; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5. М., 1928. С. 258—259.

⁶ В 1982 г. правительством Северо-Осетинской АССР было принято решение о прекращении прописки ингушей в Пригородном районе республики.

⁷ См. Мартirosiан Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе. 1933. С. 311—314.

⁸ Первый съезд ингушского народа проходил 4 февраля 1919 г. в с. Базоркино (ныне с. Чермен СОАССР); созыв его был связан с организацией отпора наступавшим в то время на Владикавказ войскам генерала Деникина. На II съезде было предложено считать 4 февраля Днем Ингушской Республики. В исторической литературе имеются сведения еще об одном съезде ингушского народа, проходившем 9 августа 1918 г., однако современные ингуши таковым его не считают. См. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 38.

⁹ Как показывают последние политические события, подобный опыт вряд ли можно назвать удачным.